

УДК 821.161.1

А. В. Семенова

<https://orcid.org/0000-0003-2715-3982>

**Аллегорические путешествия киевского князя
в поэме М. М. Хераскова «Владимир»**

Для цитирования: Семенова А. В. Аллегорические путешествия киевского князя в поэме М. М. Хераскова «Владимир» // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 4 (6). С. 63-74. DOI 10.20323/2658-7866-2020-4-6-63-74

В статье рассматриваются отдельные эпизоды поэмы М. М. Хераскова «Владимир», выделяются и анализируются два аллегорических путешествия главного героя. Посредством аллегорий в произведении реализуются дидактические задачи автора – наставить читателей на путь добродетели на примере приключений персонажа. Странствия Владимира происходят в фантастическом пространстве и имеют целью духовное перерождение и спасение души. Пороки и соблазны, которым подвержен киевский князь, предстают перед ним олицетворенными и пытаются отвратить героя от принятия крещения, дискредитировать или исказить христианское вероучение. Первое аллегорическое путешествие соответствует начальному этапу внутреннего преобразования персонажа, второе совпадает с завершающим. Направляясь в обитель праведников, Владимир оказывается во тьме и тумане, символизирующих его духовную слепоту, сомнения и заблуждения, сталкивается с чудовищами-пороками под прекрасными личинами, но с помощью волшебного предмета – пламенника веры, подаренного мудрым наставником Идоломом, – борется с ними и побеждает. На пути к храму в последней песни поэмы Владимира вновь останавливают и смущают язычники и воплощенные искушения, однако герой самостоятельно различает добро и зло, правду и ложь. В итоге киевский князь делает верный выбор, ниспровергает противников и достигает цели – истинного храма, где принимает крещение. Дважды проделанный Владимиром путь отражает происходящие с героем метаморфозы, вместе с тем аллегорические путешествия создают в произведении необходимый для эпопеи фантастический фон, заменяя мифологическую составляющую. Волшебные приключения Владимира делают сюжет поэмы более увлекательным, иллюстрируют нравственные поиски киевского князя, таким образом позволяя ненавязчиво воспитывать читателей без скучных поучений.

© Семенова А. В., 2020

Ключевые слова: М. М. Херасков, «Владимир», эпопея, аллегория, путешествие, крещение Руси, христианство.

PHILOLOGY

A. V. Semenova

**Allegorical travels of the Kievan Prince in the poem “Vladimir”
by M. M. Kheraskov**

The article examines several episodes of the poem “Vladimir” by M. M. Kheraskov, highlights and analyzes two allegorical journeys of the main character. By means of allegories, the work implements the author's didactic tasks – to instruct readers on the path of virtue on the example of the character's adventures. Vladimir's wanderings take place in a fantastic space and are aimed at spiritual rebirth and salvation of the soul. The vices and temptations of the Kievan Prince appear personified before him and try to turn the hero away from receiving baptism, discredit or distort the Christian faith. The first allegorical journey corresponds to the initial stage of the inner transformation of the character, the second coincides with the final one. Going to the abode of the righteous, Vladimir finds himself in darkness and fog, symbolizing his spiritual blindness, doubts and delusions, faces monsters-vices under beautiful disguises, but with the help of a magic object – the flame of faith, presented by the wise mentor Idolem – fights with them and wins. On the way to the temple in the last song of the poem, Vladimir is again stopped and confused by pagans and embodied temptations, but the hero independently distinguishes between good and evil, truth and lies. As a result, the Kievan Prince makes the right choice, overthrows opponents and reaches the goal – the true temple where he receives baptism. Vladimir's twice-completed journey reflects the metamorphosis taking place with the hero. At the same time, allegorical journeys create the fantastic background necessary for the epic, replacing the mythological component. The magical adventures of Vladimir make the plot of the poem more fascinating, illustrate the moral quest of the Kievan Prince, thus allowing you to unobtrusively educate readers without boring teachings.

Key words: M. M. Kheraskov, “Vladimir”, epic, allegory, journey, baptism of Russia, Christianity.

М. М. Херасков (1733–1807) – выдающийся литератор XVIII века, просветитель, куратор Московского университета – прославился как автор первых оригинальных русских эпопей – «Россияды» (1779), «Владимира» (1785), «Вселенной» (1790) и еще нескольких поэм. Произведения М. М. Хераскова от-

личает назидательность, поэт ненавязчиво, сочетая изящный слог с полезным содержанием, воспитывал в читателях добродетель, давал «литературные уроки» высокой нравственности, убеждал в необходимости работать над собой [Западов, 1961, с. 26]. В отличие от «Россияды», которая создавалась как

первый классический образчик российской эпопеи на тему национальной истории, «Владимир» (впервые опубликована в 1785 под заглавием «Владимир возрожденный», начиная со второго издания просто «Владимир») – поэма, прежде всего, дидактическая [Херасков, 1785; Херасков, 1787; Херасков, 1797; Херасков, 1809; Херасков, 1820, Херасков, 1961]. Она рассказывает об обретении христианской веры великим киевским князем Владимиром Святославичем, при этом автор выделяет духовно-этическую подоплеку исторических событий, отходя от жанровых канонов и создавая гибрид героической и аллегорической поэмы, что отражено уже в исходном заглавии произведения. Возрождение Владимира в данном случае следует воспринимать как перелом в сознании героя, обусловленный рядом факторов. Авторский замысел состоял в том, чтобы показать внутреннее преображение главного героя, провести его по пути испытаний и поставить перед выбором между грехом и праведностью. Решению этой задачи очень способствовали аллегорические путешествия персонажа.

Аллегорические повествования, восходящие к жанрам аполога, басни и рыцарского романа, были распространены в западноевропейской литературе Средних веков и Возрождения («Роман о Розе» Гийома де Лорриса и Жана де Мена, «Роман о Милосердии» Затворника из Моляна, «Турнир Антихриста» Гюона

ле Руа, «Новый Ренар» Жакмара Жиеле и др.) [Веденева, 2007; Головченко, 2017; Жилевич, 2020; Стаф, 2017]. В русской литературе аллегорические путешествия появились в XVIII веке, достаточно вспомнить, к примеру, романы самого Хераскова «Кадм и Гармония» (1787) и «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794) или сказки Екатерины II. Развернутые до полноценной составляющей сюжета аллегории хороши тем, что позволяют «упаковывать» скучные нравоучения в форму увлекательных приключений фантастического толка, и во «Владимире» этот прием использован мастерски. Большая часть аллегорий в поэме иллюстрирует самоопределение героев. Как отмечает А. В. Западов, «весьма осторожно, отнюдь не навязчиво, раскрывал этот второй план своих произведений – аллегорический, разъяснял, что за приключениями героев следует видеть искания разума, идущего к познанию добродетели и к божественной истине» [Западов, 1961, с. 37]. В поэме в аллегорические странствия, отражающие внутренние противоречия героев, отправляются колеблющиеся персонажи – сам Владимир, его сын Всеволод [Семенова, 2018] и богатырь Рогдай. Мы остановимся на приключениях главного героя, имеющих в поэме первостепенное значение.

Князь Владимир, согласно историческим источникам, до принятия христианства не отличался благонравием и был весьма женолюбив [Повесть временных лет, 1996; Рус-

ская летопись по Никонову списку, 1767; Татищев, 1773; Ломоносов, 1766; Щербатов, 1770]. В поэме Хераскова обретению героем истинной веры предшествует его внутреннее очищение, борьба со своими пороками. Во «Владимире» представлен обширный перечень соблазнов и слабостей, которым подвержен человек. Вслед за Вольтером (один из литературных образцов «Владимира» – «Генриада» (1728) Вольтера, о чем свидетельствует сам Херасков Херасков выводит их в антропоморфном облике, так что борьба с искушениями принимает более наглядную форму [Херасков, 1797, с. VII–VIII, 59–60]. Главный герой дважды оказывается в роли путника – в VI–VII и XVIII песнях, на начальном и завершающем этапах своего духовного «возрождения».

Первое аллегорическое путешествие Владимира происходит после гибели варягов-мучеников, принесенных в жертву языческим богам по настоянию жрецов (этот эпизод взят из исторических источников поэмы, и последующего знакомства с христианами Идолемом, Версоной и Законестом [Повесть временных лет, 1996; Ломоносов, 1766; Щербатов, 1770; Татищев, 1773]. В сравнении с чистыми помыслами новых

знакомцев мирские радости кажутся князю оковами, а недавние поступки видятся неблаговидными, о чем ранее задумываться герою не приходилось. Мировоззрение Владимира пошатнулось, он осознал, что языческая вера порочна и, поощряемый Идолемом – одним из двух мудрых героев-наставников, выполняющих функции духовных пастырей (второй – греческий философ Кир), – вступает на «кремнистую дорогу, по коей <...> пойдет со пламенником к Богу» [Херасков, 1797, с. 92]. В данном случае очевидна отсылка к библейской цитате, взятой за основу расхожей аллегории двух дорог – широкой, торной, полной удовольствий, но ведущей в ад, и узкой, тернистой, в конце которой обретение добродетели и спасение души. На этом пути злой дух намерен всячески искушать Владимира: пугать, прельщать, обманывать, но не допустить установления христианства на Руси. Владимир выходит из города ночью, его обступают темнота и туман, символизирующие духовную слепоту и заблуждения героя, но пламенник – дар Идолема, аллегория истинной веры – разгоняет их. Князь встречает трех прекрасных дев, предлагающих ему всевозможные блага:

*Три девы юные представились ему:
Едина скиптр златый в руке своей держала,
Ее толпа рабов во узах окружала;
Лавровый на глав у ней венец лежал,
Сребристый лунный свет виденье окружал,
Величество в лице начертанно имела,*

И слава вокруг нее движеньем крыл шумела [Херасков, 1797, с. 98].

*Вторая из троих, прекрасна яко день,
Отгнала прелестьми густую ноци тень [Херасков, 1797, с. 99].*

*Се третья сестра ко Князю притекла!
Я вам последую, с приятностью рекла.
Сия корыстей рог в руке своей держала,
В нем злата и серебра приманчивость лежала [Херасков, 1797, с. 99].*

За прекрасным обликом дев скрываются главные пороки Владимира – Любостяжание, Гордыня и Плотоугодие, которые соблазняют князя властью и славой, красотой, любовью и богатством, но волшебный светильник являет герою их

гнусную, черную суть. Владимир отвергает дев, тем самым отрекаясь от своих слабостей, но его ждет новое препятствие – страшное видение, извергающее из уст чудовищный огонь и дым:

*Коснувшись облаков своей главой оно,
Из тварей в мире всех казалось сложено;
Стихии бурные в нем зрелися смешенны,
То живы виделись, то жизни вдруг лишены;
То будто чистый день сияли красотой,
То ноци пасмурной мрачились густотой;
На нем и рубища, на нем была порфира,
Кто был то? Умственность была то здешня мира [Херасков, 1797, с. 100].*

В представлении Хераскова, Умственность – одно из воплощений князя тьмы – умещает в себе бесчисленные противоречия, сеет сомнения, лишает человека уверенности, мешает отличать правильное от ложного, доброе от дурного, и в этом его опасность. При этом Ум-

ственность выдает себя за мудрость и претендует на почести, речи чудовища лукавы, но не лишены логики: оно внушает Владимиру мысль о тщетности поиска новой религии и опасности измены старым богам:

*Им благо некое на небе Бог сулит,
А нам блаженствовать на сей земле велит;
Одни побеждены, другие побеждают,
Имеют первые, вторые ожидают;
Притом, когда своих отринешь ты богов,
Страшись в железны впасть из золотых оков.
Известно тяжкое мне бремя Христианства,
Одне угрозы в нем, пощения, тиранства [Херасков, 1797, с. 101].*

Одолеть Умственность Владимиру сложнее всего, но, сняв с себя венец и гордую одежду, он бьется с чудовищем до кровавого пота, падает на землю и все же побеждает. Аллегорическое путешествие киевского князя подходит к концу на заре, поборов свои пороки и очистившись, он вступает в обитель Идолема, где познает красоту мира праведников и приобщается к их вероучению, проходит несколько ступеней посвящения масонского толка (Херасков был видным московским масоном, его воззрения отражены в поэме [Давыдов, 1999; Давыдов, 2000; Луняев, 2006; Луняев, 2007; Розанов, 1915; Сахаров, 2000]). Однако духовное преображение героя только начинается.

Второе аллегорическое путешествие Владимира совпадает с фи-

нальным этапом преображения героя: оно имеет целью вступление в храм, где князю суждено принять крещение и «возродиться». Этому событию предшествует последнее испытание – столкновение с Рогдзем, изображающим смирение, и переодетым Зломиром, которое происходит в пальмовом лесу, – снова поиск правды вопреки неведению и сомнениям. Герои-антагонисты предпринимают попытку исказить суть христианской религии: по их словам, от верующего требуется ангельская чистота, что не каждому по силам. Однако есть «тайный путь» к спасению – чтить не закон Божий, а пастырей, быть им во всем послушным, руководствоваться их волей, а не своей:

*Во хижине пастух, Монарх ли на престоле,
Обязан нашей всяк повиноваться воле;
Приняв крещение, вниманье к нам имей ;
Вождей правления без нас вращать не смей; –
Ни мирно царствовать, не смей начать ни брани;
Советов придержишь и нашей в жизни длани [Херасков, 1797, с. 345].*

Поборники язычества таким образом надеются отвратить киевского князя от христианства, смутив его рабскими оковами, и ввести во лжехрам. Владимир колеблется, но внутренняя борьба и напряженные размышления о вере, проповеди Кира и Идолема, благие примеры Законеста, Версоны и Стенара не прошли даром: герой достаточно изменился, чтобы постичь вероуче-

ние христиан и распознать обман противников. Князь убежден, что христианский закон несет в себе просвещение и спасение, учит любить ближних; Бог не поработает и не мучает людей, но оставляет им свободу воли. Приняв верное решение, Владимир выходит из фальшивого храма, и тот лишается света, обращаясь в мраморный вертеп, где царствует Фанатизм с дымящимся

окровавленным кинжалом в руке, | карой за непослушание:
грозящий неверным своим гневом и

*Глаголам кто моим не внемлет и не верит,
Отринут будет мной и весь мой гнев измерит;
Я есмь сия труба, о смертные! для вас,
Котора истины провозвещает глас [Херасков, 1797, с. 347].*

Вслед за Фанатизмом Владими- | вводят князя в заблуждение, он
ру являются Суесвятство в образе | смотрит на них новым взглядом,
Царевны Анны и прочие олицетво- | более ясным и не замутненным
ренные пороки со смиренными ли- | прежними заблуждениями:
чинами, которые, однако, уже не

*Красны глаголы их, но черны их дела;
Корысть клянущие именье уважают,
И в самых рубищах серебро себе стяжают;
Златыя капища стараясь возвышать,
Не душу думают, но тело украшать,
Люблению врагов и зла забвенью учат,
Но за малейшую досаду ближних мучат [Херасков, 1797, с. 350].*

Мороки не убеждают Владимира | но осененному святостью. Здесь
склониться перед Фанатизмом, а мо- | Владимир проявляет праздное любо-
литва Богу о спасении рассеивает | пытство, за что немедленно наказан
наваждение. Враги христианства – | слепотой, но искреннее раскаяние
Зломир и Рогдай – низвергаются в ад, | освобождает его от недуга. Свет ве-
а киевский князь наконец находит | ры меняет существо Владимира, и
дорогу к истинному храму – просто- | крещение становится завершением
му, лишенному пышных украшений, | его долгого пути к спасению:

*Владимир, жизнь водой дающею омылся,
Очистился, воскрес, Владимир возродился [Херасков, 1797, с. 358].*

Хронологически оба странствия | прозревая их неприглядность.
главного героя длятся недолго – не | Князь не обходится в этом без по-
более нескольких часов, однако за | мощи – предварительных указаний
это время персонаж претерпевает | Идолема и его дара – волшебного
значительные метаморфозы. Во | пламенника, в свете которого все
время первого путешествия Влади- | обретает подлинный облик. Влади-
мир духовно слеп и впервые пыта- | мир идет к обители праведников –
ется бороться со своими пороками, | полуфантастическому прекрасному

пространству, удаленному от суетного, грешного мира. Условно герой движется к небесному храму, и его путешествие с преодолением препятствий символизирует начало духовного возрождения, первый этап – порог – в череде событий, решений и действий, в конечном итоге приведших героя в христианскую веру. Второе путешествие наглядно показывает, насколько персонаж меняется на протяжении поэмы: нравственная слепота уступает место пониманию и принятию православной концепции мироустройства, антагонисты-язычники уже не имеют влияния на князя, он самостоятельно, без «костылей» в виде волшебных предметов и поддержки наставников делает правильные выводы, отмечая доводы и посулы противников и отрекаясь от прежде милых сердцу соблазнов. В конце пути на Владимира снисходит божественная благодать, он

становится христианином и выбирает удел праведника.

В произведении Хераскова аллегории имеют двойную функцию: заменяют мифологическую составляющую классической героической поэмы и иллюстрируют нравственные поиски главного героя. Аллегорические путешествия Владимира можно отнести к числу наиболее увлекательных эпизодов поэмы, придающих ей необходимый эпический фантастический колорит. Вместе с тем в странствиях киевского князя заключен дидактический посыл произведения: вслед за Владимиром читатель проходит путь к добродетели, учится на его примере усмирять порочные наклонности и различать добро и зло. Херасков тесно переплетает в произведении назидания с волшебными приключениями, что позволяет избежать нарочитых нравоучений, но при этом реализовать замысел поэмы.

Библиографический список

1. Веденева Н. О. Аллегория в европейском искусстве XVI века: к вопросу о значении и специфике жанра // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2007. № 2. С. 199–201.
2. Головченко И. Ф. Эволюция жанра путешествия в мировой литературе // Culture and Civilization. 2017. Т. 7. С. 180–187.
3. Давыдов Г. А. Поэзия М. М. Хераскова и религиозные искания русских масонов // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. / отв. ред. В. И. Сахаров. Москва : Эдиториал УРСС, 2000. С. 130–143.
4. Давыдов Г. А. Религиозно-философские поэмы М. М. Хераскова : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1999. 215 с.
5. Жилевич О. Ф. Философско-аллегорический роман: эстетические и культурные интенции // Веснік Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук: навучна-практычны журнал. 2020. № 1. С. 62–68.

6. Западов А. В. Творчество Хераскова // Херасков М. М. Избр. произведения / вступ. ст., подг. текста и прим. А. В. Западова. Ленинград, 1961. С. 5–56.
7. Ломоносов М. В. Древняя Российская история: В 2 ч. Ч. 1–2. Санкт-Петербург : Тип. Имп. акад. наук, 1766. 140 с.
8. Луняев Е. В. Нравственные идеи масонства в поэтическом творчестве М. М. Хераскова // *Gratias Agimus: Философско-эстетические штудии: Сборник научных трудов в честь 70-летия профессора А. П. Валицкой*: [В 2 т.]. Т. 1. / гтв. ред. К. Г. Исупов, Л. Н. Летягин. Санкт-Петербург, 2007. С. 124–135.
9. Луняев Е. В. Этические воззрения русских масонов эпохи Просвещения : дис. ... канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 2006. 230 с.
10. Орловска А. Миф России в творчестве Михаила Хераскова (поэма «Владимир») // *Slavica*, XXVIII. 1997. P. 27–33.
11. Повесть временных лет / подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Наука, 1996. 667 с.
12. Приказчикова Е. Е. Нравственно-религиозная концепция человека в поэме М. Хераскова «Владимир Возрожденный» // *Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики): сб. науч. ст.* Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 49–71. (Эволюция форм художественного сознания в русской литературе; вып. 2).
13. Розанов И. Н. М. М. Херасков // *Масонство в его прошлом и настоящем*: [В 2 т.] Т. II. Москва, 1915. С. 38–51.
14. Русская летопись по Никонову списку / под ред. Августа Шлецера. Ч.1. Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1767. 198 с.
15. Сахаров В. И. Русская масонская поэзия (к постановке проблемы) // *Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв.* Москва, 2000. С. 66–118.
16. Семенова А. В. Странствия Всеволода в поисках добродетели в поэме М. М. Хераскова «Владимир» // *V Рождественские чтения: межвузовский сборник научно-методических статей* / под ред. Г. В. Сильченко. Ишим : Изд-во ИПИ им. П. П. Ершова (филиала) ТюмГУ, 2018. С. 224–228.
17. Смирнова И. Б. Цветочный символ средневекового французского аллегорического «Романа о Розе» Гийома де Лорриса как уникальное западноевропейское проявление единой «флористической» концепции человека. Восток и Запад: спор или диалог? // *Вестник Московского университета. № 10 (696).* 2014. С. 220–242.
18. Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. Москва : Издательство Московского университета, 1955. 690 с.
19. Стаф И. К. Аллегория, поэзия, риторика: к понятию поэтического вымысла во Франции конца XV в. // *Studia Litterarum.* 2017. №. 4. С. 11–26.
20. Татищев В. Н. История российская с самых древнейших времен. Т.2. Москва : Императорский Московский университет, 1773. 536 с.
21. Федотова Л. Л. Русская национальная идея в героическом эпосе М. М. Хераскова : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009. 181 с.
22. Херасков М. М. Владимир // Гранцева Н.А. Чудо о Князе–Крестителе. Санкт-Петербург : Журнал «Нева», 2016. С. 85–215.

23. Херасков М. М. Владимир // Творения Хераскова: [В 12 ч.]. Ч. 2. Москва : В вольной Типографии Пономарева, 1809. 294 с.
24. Херасков М. М. Владимир // Эпические творения М. Хераскова: [В 2 ч.]. Ч. 2. Москва : В Университетской типографии у Н. Новикова, 1787. 264 с.
25. Херасков М. М. Владимир // Эпические творения М. Хераскова: [В 2 ч.]. Ч. 2. Москва : В Университетской типографии, 1820. 294 с.
26. Херасков М. М. Владимир возрожденный, эпическая поэма М. Х. Иждивением типографической компании. Москва : В университетской типографии у Н. Новикова, 1785. 245 с.
27. Херасков М. М. Владимир. Поэма эпическая // Избр. произв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. В. Западова. Москва-Ленинград : Советский писатель, 1961. 410 с. (Библиотека поэта; Большая серия).
28. Херасков М. М. Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные: [В 12 ч.]. Ч. 2. Владимир, поэма эпическая. Москва : Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. С. 361.
29. Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен / История Российская отъ древнѣйшихъ времянь: [В 14 т.]. Т. I. Санкт-Петербург : Тип. Имп. акад. наук, 1770. 325 с.
30. Drozdek, Adam. Religious Aspects of Kheraskov's Epic Poems // Ricerche Slavistiche 11 (57) 2013: 89–113.
31. Orłowska A. Motywy biblijne w liryce i poematach Michala Chieraskowa // Biblia w literaturze i folklorze narodow wschodnioslowiaskich. Krakow, 1998. S. 143–181.
32. Orłowska A. Poemat klasycystyczny Michala Cheraskowa. Lublin, 1987. 146 p
33. Vlasto A.P. Anoble failure – Kheraskov's Vladimir Vozroshdyonny // Горскивијенац: a garland of essays offered to professor Elizabeth Mary Hill. Eds. R. Auty, L.R. Leviter, A.P. Vlasto. The Modern Humanities Research Association, Cambridge 1970. P. 281.

Reference list

1. Vedeneeva N. O. Allegoriya v evropejskom iskusstve XVI veka: k voprosu o znachenii i specifike zhanra = Allegory in the European art of the XVI century: on the question of the meaning and specificity of the genre // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2007. №. 2. S. 199–201.
2. Golovchenko I. F. Evolyuciya zhanra puteshestviya v mirovoj literature = Evolution of the travel genre in world literature // Culture and Civilization. 2017. T. 7. S. 180–187.
3. Davydov G. A. Poeziya M. M. Heraskova i religioznye iskanija russkih masonov = Poetry of M. M. Kheraskov and religious search of Russian Freemasons // Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX vv. / otv. red. V. I. Saharov. Moskva : Editorial URSS, 2000. S. 130–143.
4. Davydov G.A. Religiozno-filosofskie poemu M. M. Heraskova = Religious and philosophical poems by M. M. Kheraskov : dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1999. 215 s.
5. Zhilevich O. F. Filosofsko-allegoricheskij roman: esteticheskie i kul'turnye intencii = Philosophical and allegorical novel: aesthetic and cultural intentions // Vesnik

Paleskaga dzyarzhaj'naga universiteta. Seryya gramadskih i gumanitarnyh navuk: nauchno-prakticheskij zhurnal. 2020. № 1. S. 62–68.

6. Zapadov A. V. Tvorchestvo Heraskova = Kheraskov's works // Heraskov M. M. Izbr. proizvedeniya / vstup. st., podg. teksta i prim. A. V. Zapadova. Leningrad, 1961. S. 5–56.

7. Lomonosov M. V. Drevnyaya Rossijskaya istoriya: V 2 ch. CH. 1–2 = Ancient Russian history: in 2 parts. Part 1–2. Sankt-Peterburg : Tip. Imp. akad. nauk, 1766. 140 s.

8. Lunyaev E. V. Nravstvennye idei masonstva v poeticheskom tvorchestve M. M. Heraskova = Moral ideas of Freemasonry in the poetic work of M. M. Kheraskov // Gratias Agimus: Filosofsko-esteticheskie shtudii: Sbornik nauchnyh trudov v chest' 70-letiya professora A. P. Valickoj: [V 2 t.]. T. 1. / otv. red. K. G. Isupov, L. N. Letyagin. Sankt-Peterburg, 2007. S. 124–135.

9. Lunyaev E. V. Eticheskie vozzreniya russkih masonov epohi Prosveshcheniya = Ethical views of Russian masons of the Enlightenment : dis. ... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2006. 230 s.

10. Orlovska A. Mif Rossii v tvorchestve Mihaila Heraskova (poema "Vladimir") = The myth of Russia in the works of Mikhail Kheraskov (poem "Vladimir") // Slavica, XXVIII. 1997. R. 27–33.

11. Povest' vremennyh let = The Tale of Bygone Years / podg. teksta, perevod, stat'i i komment. D. S. Lihacheva ; pod red. V. P. Adrianovoj-Peretc. 2-e izd., ispr. i dop. Sankt-Peterburg : Nauka, 1996. 667 s.

12. Prikazchikova E. E. Nravstvenno-religioznaya koncepciya cheloveka v poeme M. Heraskova "Vladimir Vozrozhdenyj" = The moral-religious conception of man in a poem by Mikhail Kheraskov "Vladimir Reborn" // Klassicheskaya slovesnost' i religioznyj diskurs (problemy aksiologii i poetiki): sb. nauch. st. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2007. S. 49–71. (Evolyuciya form hudozhestvennogo soznaniya v russkoj literature; vyp. 2).

13. Rozanov I. N. M. M. Heraskov = M. M. Kheraskov // Masonstvo v ego proshlom i nastoyashchem: [V 2 t.] T. II. Moskva, 1915. S. 38–51.

14. Russkaya letopis' po Nikonovu spisku = Russian chronicle on the Nikon list. Pod red. Avgusta SHleccera. CH.1. Sankt-Peterburg : Imperatorskaya Akademiya nauk, 1767. 198 s.

15. Saharov V.I. Russkaya masonskaya poeziya (k postanovke problemy) = Russian Masonic poetry (to the problem statement) // Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX vv. Moskva, 2000. S. 66–118.

16. Semenova A. V. Stranstviya Vsevoloda v poiskah dobrodeteli v poeme M. M. Heraskova «Vladimir» = Vsevolod's wanderings in search of virtue in the poem "Vladimir" by M. M. Kheraskov // V Rozhdestvenskie chteniya: mezhvuzovskij sbornik nauchno-metodicheskikh statej / pod red. G. V. Sil'chenko. Ishim : Izd-vo IPI im. P. P. Ershova (filiala) TyumGU, 2018. S. 224–228.

17. Smirnova I. B. Cvetochnyj simvol srednevekovogo francuzskogo allegoricheskogo «Romana o Roze» Gijoma de Lorrisa kak unikal'noe zapadnoevropejskoe proyavlenie edinoj «floristicheskoy» koncepcii cheloveka. Vostok i Zapad: spor ili dialog? = Flower symbol of the medieval French allegorical "Romance of the rose" by Guillaume de Lorrise as a unique Western European manifestation of a single "floral"

concept of man. East and West: dispute or dialogue? // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. № 10 (696). 2014. S. 220–242.

18. Sokolov A. N. *Ocherki po istorii russkoj poemy XVIII i pervoj poloviny XIX veka* = Essays on the history of Russian poems of the XVIII and first half of the XIX century. Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1955. 690 s.

19. Staf I. K. *Allegoriya, poetriya, ritorika: k ponyatiyu poeticheskogo vymysla vo Francii konca XV v.* = Allegory, poetry, and rhetoric: towards the concept of poetic fiction in late 15th-century France // *Studia Litterarum*. 2017. №. 4. S. 11–26.

20. Tatishchev V. N. *Istoriya rossijskaya s samyh drevnejshih vremen* = Russian history from the most ancient times. T.2. Moskva : Imperatorskij Moskovskij universitet, 1773. 536 s.

21. Fedotova L. L. *Russkaya nacional'naya ideya v geroicheskom epose M. M. Heraskova* = Russian national idea in the heroic epic by M. M. Kheraskov : dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2009. 181 s.

22. Heraskov M. M. *Vladimir* = Vladimir // Granceva N. A. *CHudo o Knyaze–Krestitele*. Sankt-Peterburg : ZHurnal «Neva», 2016. S. 85–215.

23. Heraskov M. M. *Vladimir* = Vladimir // *Tvoreniya Heraskova: [V 12 ch.]*. CH. 2. Moskva : V vol'noj Tipografiya Ponomareva, 1809. 294 s.

24. Heraskov M. M. *Vladimir* = Vladimir // *Epicheskie tvoreniya M. Heraskova: [V 2 ch.]*. CH. 2. Moskva : V Universitetskoj tipografii u N. Novikova, 1787. 264 s.

25. Heraskov M. M. *Vladimir* = Vladimir // *Epicheskie tvoreniya M. Heraskova: [V 2 ch.]*. CH. 2. Moskva : V Universitetskoj tipografii, 1820. 294 s.

26. Heraskov M. M. *Vladimir vozrozhdenyj, epicheskaya poema M. H. Izhdiveniem tipograficheskoy kompanii* = Vladimir reborn, an epic poem M. H. a Dependent typographic company. Moskva : V universitetskoj tipografii u N. Novikova, 1785. 245 s.

27. Heraskov M. M. *Vladimir. Poema epicheskaya* = Vladimir. Epic poem // *Izbr. proizv. / vstup. st., podgot. teksta i primech. A. V. Zapadova*. Moskva- Leningrad : Sovetskij pisatel', 1961. 410 s. (Biblioteka poeta; Bol'shaya seriya)/

28. Heraskov M.M. *Tvoreniya M. Heraskova, vnov' ispravlennye i dopolnennye: [V 12 ch.]*. CH. 2. *Vladimir, poema epicheskaya* = Works by M. Kheraskov, again corrected and supplemented: [In 12 parts]. Part 2. Vladimir, epic poem. M.: Univ. tip. u Hr. Ridigera i Hr. Klaudiya, 1797. S. 361.

29. SHCHerbatov M. M. *Istoriya Rossijskaya ot drevnejshih vremen* = Russian history from ancient times / *Istoriya Rossijskaya ot drevnjshih vremen*: [V 14 t.]. T. I. Sankt-Peterburg : Tip. Imp. akad. nauk, 1770. 325 s.

30. Drozdek, Adam. *Religious Aspects of Kheraskov's Epic Poems* // *Ricerche Slavistiche* 11 (57) 2013: 89–113.

31. Orłowska A. *Motyvy biblijne w liryce i poematach Michala Chieraskowa* // *Biblia w literaturze i folklorze narodow wschodnioslowiaskich*. Krakow, 1998. S. 143–181.

32. Orłowska A. *Poemat klasycystyczny Michala Cheraskowa*. Lublin, 1987. 146 p

33. Vlasto A.P. *Anoble failure – Kheraskov's Vladimir Vozroshdyonny* // *Горскивиџенац: a garland of essays offered to professor Elizabeth Mary Hill*. Eds. R. Auty, L. R. Leviter, A. P. Vlasto. The Modern Humanities Research Association, Cambridge 1970. P. 281.